

Детство в военном Антропшино.

Антонина Анисимовна Лебедева встретила в нашем автором Сергеем Богадановым в небольшой комнатке в одной из квартир старого дома на Комсомоле. Он с превеликим удовольствием пришёл на встречу. Ведь каждый рассказ наших уважаемых жителей старшего поколения обязательно дополняет новыми свидетельствами уже известные нам факты из истории нашего дома.

« В один из весенних дней 1942 года прибежала подруга Маня: «А я знаю, где хлеб можно взять». Не поверила я подружке, время голодное было, люди траву ели. Какой уж тут хлеб. Не поверила, но пошла с ней к немецкой пекарне, которая тогда была на месте нынешнего универмага. Там, у большого окна пекарни уже собрались ребятишки. Вскоре из окна наружу торчали только наши попы, головы были в окне. От дурманящего хлебного духа кружилась голова, желудок сводила голодная судорога. Вдыхали аромат свежеиспеченного хлеба и ждали. Ждали, когда пекарь достанет из печи хлеб и забракует хоть одну из буханок. Забракует, и тут же бросит хлеб нам. Мне повезло, забракованный пекарем хлеб поймала я. Первый раз пришла, и такая удача», — Антонина Анисимовна улыбнулась.

Мне повезло, забракованный пекарем хлеб поймала я. Первый раз пришла, и такая удача», — Антонина Анисимовна улыбнулась.

11 лет исполнилось Тоне, когда началась война. Отец оказался в блокадном Ленинграде, работал на военном заводе. «Уже после войны наша жительница Антропшино Тамара Фёдоровна, жившая в блокадном городе, рассказала, как умер отец. После работы зашёл к ней, попросил что-нибудь поесть. А что могли ему дать? Напоили кипятком, и он ушёл. Утром его обнаружили мёртвым на втором этаже», — горестно вздохнула моя собеседница.

« Раньше дома в посёлке стояли деревянные, а у каждого дома были сараи. Вот однажды, это был страшно голодный 1942 год, мы и нашли в одном из них сыр, большими кругами, весь изъеденный червями. Очистили мы этот сыр, набрали полные сумки, радости не было предела. С нами был местный паренёк Вася Корнев. Пришли на следующий день, а сыра уже и нет. Перепрятал Вася со своими друзьями.

Наши войска из Ленинграда стреляли по железной дороге, но часто снаряды попадали и в дома. Так погибла моя тётка и местный парень Колесников. Бабушка вспомнила, что на поля у Кобралово до войны возили селитру. Собрались мы, несколько человек и пошли. Мост охранялся немцами, а мы под мостом пробирались. Набрали селитры, красные такие камушки, и домой. Дома разводили водой и пили.

Помню соседа дядю Стёпу Гуськова, который на бумажной фабрике «Коммунар» делал немцам какую-то бумагу». После недолгого молчания Антонина Анисимовна продолжила свой рассказ: «Люди ходили «в даль», меняли вещи на еду. У нас останавливались родственники из Пушкина по пути в псковские деревни, где люди жили чуть сытнее. В это время немцы уже переселили всех жителей на одну половину деревни, а во второй жили сами. Раздел шёл в районе нынешнего памятника. А напротив немцы хоронили своих убитых, привезённых с фронта».

Рассказала Антонина Анисимовна и том, что она оказалась свидетелем казни людей на виселице в центре деревни. «Я была у тётки в Покровке, она жила одна и могла меня покормить. Иду назад, вижу много людей на горке. Поднимаюсь на гору, и вижу виселицу, рядом стоят несколько наших пленных. Кто был в форме, кто нет. Они сами вырыли себе могилу. Одного из них немцы застрелили сразу. Оказалось, это были жители Колпино. Они пробирались домой, но их выдал немцам местный житель. Знаю его фамилию, но называть не буду. После войны приезжали к нам их родственники. А уже потом собирали по лесам останки солдат и хоронили здесь».

В 1943 году не минула семью нашей героини доля многих жителей деревни. На станции жителей Антропшино и окрестных деревень грузили в теплушки и увозили в Латвию. «Мама, бабушка, мне 11 лет и брату 9. Младшая сестрёнка к тому времени умерла от голода. На какой-то станции за Гатчиной высадили. Сказали, для санобработки. Стояла возле состава крытая машина, туда людей и заводили группами. Помню, как все боялись, что это машина-душегубка. Привезли нас на станцию Салдес, высадили в чистом поле. Нет ни еды, ни воды. Пошли в поля копать картошку, дети в ближайшее селение побираться. Кто подаст хлеба корочку, кто яичко. Потом приехали латыши и стали выбирать себе работников. А из нас какие работники. Мама да мы. Бабушку мы где-то по дороге потеряли, тогда это было обычное дело. Взял и нас хозяин. Сказал, что будем пасти коров.

« Там мы и прожили целый год, а затем немцы стали всех вывозить в Лиепаю. Наши войска наступали. Маму забрали на строительство железной дороги. Дал хозяин нам продукты в дорогу, посадили нас с братом немцы в вагоны и повезли. Привезли, снова сидим мы у откосов, ждём неведомо чего. А рядом залив, в воде

плавают чемоданы, детские шапочки. Все решили, что привезли немцы нас топить. Но нет, снова загрузили нас в вагоны, привезли в город Прекуле. Все решили, что везут нас в Германию, и в самом деле нас выгрузили на границе с Германией. Есть нечего, дети снова пошли побираться, теперь у немцев хлеб просить.

Мы всё ждали, когда нас мама найдёт. Нашла, убежала без документов со строительства, неведомо как добралась до нас, в город Прекуле. Надо было возвращаться, без документов маму мог убить любой немец. Не знаем почему, но нас отправили назад в Лиепаяу, с нами ехала Катя Щепкина, тоже из Антропшино родом.

Забрала мама свои документы, решили вернуться к своему хозяину. Немцам, видно, уже было не до нас, Советская Армия наступала. Мимо шёл эшелон, на нём и добрались до станции Салдос. Хозяина на хуторе не оказалось, куда-то уехал. Так на холодном ветру и просидели всю ночь на улице. Дождались хозяина, а вскоре и наши войска были на хуторе. Свёз нас хозяин на сборный пункт в Венспилс. И опять ни хлеба, ни картошки нет. Собирали в лесу грибы да ягоды, стояла осень 1944 года. Мимо шли эшелоны с нашими солдатами, они нам хлеб на ходу бросали.

Так, на попутных воинских эшелонах и добрались до станции Новолисино, была с нами вместе Маруся Яковлева с сыновьями. Добрались до Павловска, а там уже и дом родной рядом, Антропшино. Мама работала в лагере военнопленных в Коммунаре. Приносила нам хлеб, картошку.

Остатки леса в Ремизе пленные рубили, грузили на платформы. Жалко было лес, здесь когда-то мой дед у царя егерем был. А вскоре и пленные исчезли. Долго ещё я вздрагивала, слышав гул самолёта. Куда сейчас бомбы сбросит...».

Сергей Богданов

Опубликовано в газете «Комминфо» № 25 (874) 9 августа 2019 г.